

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 98–110.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 2 (83). P. 98–110.

Научная статья
УДК 32
doi: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.011

РУССКИЙ КИБОРГ-НАЦИОНАЛИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Виличко Иван Витальевич¹, **Никифоров Александр Андреевич²**

¹⁻² Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Россия

¹vgruziya@bk.ru

²nikiforov@politpro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-9933>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа современных форм русского национализма и их влияния на политическую жизнь постсоветской России. Изучение киборг-национализма как новой формы национализма позволяет глубже понять трансформационные процессы современных политических идеологий в эпоху господства цифровых технологий. Цель исследования – проанализировать особенности русского киборг-национализма в постсоветской России (1991–2021), способы адаптации националистической идеологии к цифровой трансформации. Исследование опирается на подход И. А. и С. В. Жеребкинских о киборг-национализме, эмпирический анализ основывается на материалах из открытых источников – публикаций представителей различных националистических движений (НБП, ННП, младоконсерваторы, «Спутник и Погром» и др.). Методами исследования является сравнительный анализ и анализ дискурса. Основные выводы исследования показывают, что русский киборг-национализм характеризуется гибридностью, размыванием границ дискурса, использованием новых медиа и стилистических приемов, а также трансформацией представлений о «своих» и «чужих». Исследование показало, что киборг-национализм представляет собой динамичный и эволюционирующий феномен, имеющий большой потенциал для дальнейших исследований в рамках изучения праворадикальных движений.

Ключевые слова: национализм, идеология, гибридность, медиа, пропаганда, постнационализм, русский национализм, киборг-национализм, скинхедизм, национал-большевизм, постсоветская Россия

Для цитирования: Виличко И. В., Никифоров А. А. Русский киборг-национализм в постсоветской России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 98–110. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.011>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

RUSSIAN CYBORG NATIONALISM IN POST-SOVIET RUSSIA

Ivan V. Vilichko¹, **Aleksandr A. Nikiforov²**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹vgruziya@bk.ru

²nikiforov@politpro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-9933>

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to analyze modern forms of Russian nationalism and their impact on the political life of post-Soviet Russia. The study of cyborg nationalism as a new form of nationalism allows for a deeper understanding of the transformational processes of modern political ideologies in the era of digital dominance. The purpose of the study is

to analyze the features of Russian cyborg nationalism in post-Soviet Russia (1991–2021), ways of adapting nationalist ideology to digital transformation. The research is based on the approach of I. A. and S. V. Zherebkin. The empirical analysis is based on materials from open sources – publications by representatives of various nationalist movements (NBP, NNP, Young Conservatives, Sputnik and Pogrom, etc.). The research methods are comparative analysis and discourse analysis. The main conclusions of the study show that Russian cyborg nationalism is characterized by hybridity, blurring of the boundaries of discourse, the use of new media and stylistic techniques, as well as the transformation of ideas about “friends” and “strangers”. The study showed that cyborg nationalism is a dynamic and evolving phenomenon with great potential for further research in the framework of the study of right-wing radical movements.

Keywords: nationalism, ideology, hybridity, media, propaganda, post-nationalism, Russian nationalism, cyborg nationalism, skinhead, national Bolshevism, post-Soviet Russia

For citation: Vilichko I. V., Nikiforov A. A. Russian cyborg nationalism in post-Soviet Russia. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 2 (83), pp. 98–110. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.011>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Исследования в рамках изучения национализма (nationalism studies) осложнены неоднородностью и многогранностью предмета изучения. Традиционные исследования русского национализма часто сосредотачиваются на анализе трансформации этнической идентичности в национальную [1], исторических нарративов [6] и политических идеологий [19], не уделяя внимания влиянию цифровых технологий и реалий сети Интернет на формирование новых форм самосознания и националистической идентичности. Социологи продолжают рассматривать национализм как феномен групп, где возможно произвести четкие линии идеологических разграничений [7]. Исследования такого рода, как правило, статичны, направлены на узкий объект изучения и не учитывают динамичные процессы гибридизации идеологий в условиях современности.

Вместе с тем националисты нового типа практикуют новые формы политического участия и субъектности, для которых границы пластичны, а идейное содержание неортодоксально. Соответственно, без расширения концептуальной оптики сложно проводить исследования современной российской политики и эволюции в ней националистического движения и его дискурса.

В этой связи представляется эвристичным использовать концепт «киборг-национализма», который учитывает трансформативность идейно-политических повесток и концепций в условиях глобализации и повсеместного господства новых медиа.

«Киборг-национализм» – концепт, берущий начало в понимании феномена киборга Донной Харауэй, разработанный И. А. и С. В. Жеребкиными в книге «Киборг-национализм: Украинский национализм в эпоху постнационализма». И. А. Жеребкина разъясняет: «киборг-национализм – национализм неклассический, трансформативный, в котором производится: 1) создание националистической социальной реальности; 2) вымысла, изменяющего мир» [13, с. 8]. Изначально национализм стремится навязать национальную мифологию как универсальную реальность посредством дискурсивных практик. В этой претензии на гегемонию размывается доктринальное ядро идеологии, она становится набором пустых означающих. Сам национализм становится «микстурой», принимаемой всеми акторами политического спектра для адаптации к политическим условиям современности (говорящей преимущественно на националистическом языке в эпоху господства национальных государств). Если националисты прошлого верили в национальную мифологию как неоспоримую и естественную данность, то современные националисты (осознающие спекулятивность вымысла

мифологии) используют отдельные ее составляющие как конструктор идентичности и инструмент для мобилизации, как стиль и язык.

Используя данную концептуальную рамку, целью настоящего исследования является изучение трансформативной составляющей дискурсов современных националистических движений, т. е. определение того, какие концепты были приняты ими из других политических идеологий в ходе генезиса и адаптации к постсоветским социально-политическим реалиям.

Необходимо пояснить особенность использования концепта «киборг-национализма», который изначально авторы использовали для реалий украинской политики. Во-первых, И. А. Жеребкина указывает на совпадения двух типов национализмов (русского и украинского), которые делят субъекта одной нации надвое: «1) на субъекта Нации с большой буквы (образованные городские профессионалы, “элита общества”) и 2) субъекта нации с маленькой буквы (“ватники”, “гопота” и пр.), фактически получающего статус “нелегитимных жителей”» [13, с. 31]. Критерий деления: включенность в публичное пространство. Члены нации с маленькой буквы в русском национализме – молчаливое большинство («новиопы», «быдло», «совки», «ватники», «россияне»), делегирующее свое представительство постсоветской власти («Кремлю»), которая, по мнению оппозиционных националистов, является антинациональным и антирусским. На фоне этого националисты нового типа начинают иначе, чем их предшественники, маркировать «своих» и «чужих». Этот тезис мы рассмотрим позднее.

Во-вторых, «можно сказать, что переход от тоталитаризма к новым национальным режимам связан с новым типом политической субъективации – субъективации не через сознание, а через наслаждение. В результате на уровне дискурса постсоветских средств массовой информации, литературы, искусства и т. д. новая политическая субъективация несомненно приносит новую по сравнению с советской стратегией политической артикуляции, артикуляцию сексуальности и даже, например, запрещенной ранее порнографии» [13, с. 89]. В постсоветских реалиях в обеих странах в схожих условиях происходили аналогичные процессы трансформации политической субъективации.

В данной работе русский национализм понимается как идеология публичных деятелей, самоидентифицирующихся как «русские националисты». Киборг-национализм через деятельность своих публичных акторов создает националистическую социальную реальность, а также вымысел, меняющий мир. Существенным отличием национализма нового типа является его вторжение в медиапространство. Экспансия в глобальную коммуникацию заставляет националистов искать новый язык для самовыражения и репрезентации своей программы, искать новые связи, обновлять способы агитации и применять стратегии актуализации в информационном пространстве. Предполагается, что вхождение в глобальную сеть размывает границы дискурса, открывает новые политические возможности, делает сам дискурс более ироничным, пластичным, не субстанциональным (т. е. статичным, серьезным и настаивающим на своей истинности). В связи с этим киборг-национализм можно определить также как национализм информации.

Вместе с тем необходимо обратить внимание основополагающее для трансформативности киборг-национализма явление, которое обозначается как гибридизация. В контексте политического течения под гибридизацией понимается включение в него инородных элементов, вследствие чего образуется идеологический разрыв. На основании разрыва мы можем провести сравнительный анализ исходного субъекта и пересобранного субъекта. Согласно О. А. Астафьевой понятие «гибридизация» раскрывает «сущность сверхбыстрого и порой неожиданного соединения элементов, фактов, явлений, процессов культуры, в результате чего происходит трансформация “границ культур”» [3, с. 101]. После крушения советского универсалистского проекта перед населением бывших республик встал вопрос о способах конструирования новых национальных идентичностей и новых границ национальной культуры. Одним

из способов трансформации стала модернизация посредством гибридизации. Соответственно, представителям политических течений, чтобы оставаться внутри актуальной политики, потребовалось адаптировать свою идеологию под современность, модернизировать символическое поле, выработать новый язык и переизобрести свою идентичность.

Основная часть

Распад СССР и последовавшие вслед за ним экономические (распад рублевой зоны, «шоковая терапия»), национальные (первая Чеченская кампания) и социальные катаклизмы (рост криминала, бандитизма и нелегальной миграции из стран Средней Азии), практическое отсутствие цензуры стали причинами активного подъема националистических движений в 1990-х гг. XX в. на территории бывших советских республик.

В Российской Федерации можно определить основные идеологические направления движений «первого поколения» радикальных национализмов – национал-социализм (НПФ «Память», РНЕ*, «Союз Венедов», НСРРП) и имперский национализм (РОНС, «Черная сотня», КРО, «Народный союз») [7, с. 103–106]. Первые публичные националистические движения копировали устаревшие формы политики и саморепрезентации своих предшественников, повторяя известные идеологические клише НСДАП, Национальной фашистской партии, «Железной гвардии», «Испанской фаланги» и других. Идеологическая база националистов первого поколения имела стандартный для ультраправых движений XX в. комплекс концептов – империализм, этатизм, традиционализм, ирредентизм, ксенофобия, антисемитизм, воинственный антикоммунизм, антидемократизм.

Нестабильная политическая обстановка, чеченские войны и конфликт поколений внутри националистической среды способствовали масштабной диверсификации движения. В конце 1990-х и начале 2000-х гг. у этих двух направлений национализмов (национал-социалистического и национал-имперского) появилось достаточное количество идейных продолжателей, которые идеологически мало отличались от предшественников (так же как «первое поколение» продолжало дискурсивно воспроизводить те же идеологические паттерны, что и ультраправые националистические партии XX в.). Среди объединений национал-социалистического толка можно отметить НСО*, ДПНИ*, БОРН*, ЭНО*, а среди национал-имперского – РИД, «Народное ополчение имени Минина и Пожарского*», Союз православных хоругвцев, «Великая Россия», движение «Сорок сороков». Вместе с тем появились движения, стремившиеся видоизменить классический дискурс национализма в России. Эти движения, действующие в новых условиях, синтезировали в себе идеологию других политических течений, переосмысляя опыт предшественников и модернизируя символическое поле, что позволяет нам определить их как националистов нового типа, киборг-националистов.

Наиболее очевидным примером киборг-национализма в РФ является движение национал-большевизма (партия НБП*, «Другая Россия»), основанное в 1993 г. Лидерами и идеологами движения были две скандальные фигуры 1990-х гг. – писатель Э. В. Лимонов и философ-традиционалист А. Г. Дугин. НБП изначально позиционировала себя как движение, провокационно порывающее с «устаревшими» политическими идеологиями, преподносящее альтернативу господствующему либерализму в виде радикального симбиоза национализма и социализма. Идеологической базой

---

*Деятельность запрещена на территории РФ.

послужила концепция объединения социальной (левой) и национальной консервативной (правой) революций на оппозиционно-патриотической платформе.

Как отмечает М. Жаковска: «Современный национал-большевизм на самом деле имеет очень мало общего с его историческими эманациями. Несмотря на то, что нацболы позиционируются как идеологические преемники Устрялова и Некиша, последние с трудом могут быть действительно ими признаны. Всякие их ссылки на прошлое – инструментального характера. После более глубокого анализа взглядов Устрялова на экономическую жизнь оказывается, что он являлся сторонником капитализма, хотя с национальным, «подлинно русским», «Такие мнения не совпадают с идеологической линией современных национал-большевиков» [12, с. 208]. Можно сделать вывод, что НБП Лимонова и Дугина порывает с историческим национал-большевизмом в пользу широкого проекта по солидаризации крайне правых и левых активистов. Таким образом, национал-большевизм в постсоветской России стал идеологией протеста против консенсуса из либерализма, демократии и капитализма [12, с. 209].

В публичном поле партия транслировала свои идеи через газету «Лимонка». «Лимонка» со своих страниц вещала о пользе внутрипартийного группового секса, выступала против института семьи (и за жизнь в коммунах с высокой сексуальной комфортностью) и за понижение границы возраста наступления совершеннолетия до 14 лет, что не свойственно классическим русским националистам, видевшим в «русской семье» основу государственного организма (в соответствии с органической теорией государства). Стоит отметить, что Лимонов настаивал на революционной роли маргиналов и женщин («Маргиналы: активное меньшинство»; «Дикие девочки»), что также не соответствовало классической патриархальной ставке националистов на исключительно здорового и физически развитого белого мужчину-воина [17; 16; 8, с. 244]. В «пантеоне» НБП – ультраправый радикал Юкио Мисима и ультраправый революционер Че Гевара, традиционалист Юлиус Эвола и анархо-коммунист Бакунин. Данный концептуальный симбиоз вызвал волну протеста как в националистической среде, так и среди политических врагов, чему свидетельствует появившиеся клише «красно-коричневые». Термин «красно-коричневые» подчеркивает гибридный характер национал-большевизма, симбиоз националистических правых позиций с левыми идеями широкого спектра (от анархизма до «танкизма»).

Вместе с тем такая эклектика выбранных символов делает пример НБП иллюстративным в контексте выстраивания дискурса киборг-национализма. Дискурс и идеологемы киборг-национализма становятся не субстанциональными (как в «старых» национализмах), а стилистическими. Здесь мы можем вспомнить формулу, которая выводится из статьи Вальтера Беньямина: «правые эстетизируют политику, левые политизируют эстетику» [4]. Так, один из известных участников НБП, писатель и критик Алексей Цветков, пишет: «“Лимонка” возникла как контркультурная тень гламура – движение, собранное вокруг стиля, а не вокруг идеи» [23, с. 156].

Апроприруя эстетику радикализма (тоталитаризма и анархизма) нацболы надеялись символы новыми смыслами, подрывая господствующий дискурс (бросая вызов либеральному статус-кво), с одной стороны, а с другой – создавая новые формы коллективного участия, мобилизовали в свои ряды активистов не по принципу верности идее, а по принципу принятия объединяющего стиля. Беньяминовская диспозиция работает в обе стороны, осциллирует, а не находится в оппозиции (как это сам Беньямин представлял) [11]. Политизация эстетики и эстетизация политики перетекают друг в друга и не находятся в статичном состоянии как некоторые проекты / программы [10, с. 289]. Это позволяет указать на то, что в отсутствии жесткой разницы лучше говорить о политике как об определенном стиле дискурса. Сам дискурс становится стилистическим, т. е. принадлежность к нему определяется принятием определенной эстетики. Отсюда вытекает то обстоятельство, что внутри НБП не было прямой конфронтации идеологем. Участников движения объединял стиль, компонентами которого можно назвать витальность и нонконформистскую радикальность:

«Лимонову удалось создать интереснейший заповедник для утопистов и радикалов» [10, с. 156]. Поэтому нет ничего удивительного, что внутри движения сосуществовали имперцы-традиционалисты, такие как Александр Дугин, и анархисты, такие как Алексей Цветков. В этой связи латвийский национал-большевик российско-угандийского происхождения Бенес Айо также признается русским националистом.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что принципиальное разделение на «своего» и «чужого» в киборг-национализме определяется не поддержкой конкретных идей и программных пунктов, а на основывается на принадлежности к стилю, вхождению в дискурс. Реалии глобального мира, а также невозможность реализовать практику старого национализма из-за их устаревших форм приводят к невозможности строго очертить демаркационную линию между «своими» и «чужими», появляется необходимость включения меньшинств (упомянутый выше Бенес Айо, национал-большевик еврейского происхождения Владимир Линдерман и т. д.). Так, Эдуард Лимонов пишет: «Вокруг все время говорят: “русские”, “мы – русские”, “я – русский”, “для русских”. А под этой этикеткой скрываются самые разные люди. И Ельцин оказывается русский, и сизый алкаш, и грязный бомж, и активный сперматозоид Кириенко. Если они – русские, то я тогда нерусский. Что же надо делать? Надо отбирать людей для новой нации» [17, с. 8].

Национал-большевики отступили от догматического поклонения опыту прошлого в пользу реализации новых форм политического взаимодействия и художественной репрезентации. В этом смысле национал-большевистское движение является наглядным примером трансформативного киборг-национализма в постнационалистическую эпоху.

Если НБП с самого своего основания имела явную экспериментальную и художественно-авангардную направленность, то стоит отметить, что трансформации дискурса переживали и другие, более ординарные ультраправые объединения. Так, Народная национальная партия (ННП) выработала собственную идеологическую доктрину, изложенную в брошюре «Основы русизма» [14]: во-первых, принимался принцип аристократического социализма («Только святость обладает правом власти»); во-вторых, утверждалась ценность этатизма («Одна кровь – одно государство»); в-третьих, делался выбор в пользу секулярного мировоззрения («Вера разделяет – кровь объединит»); в-четвертых, приоритет отдавался «расе», а не нации («Мир един, вопрос лишь в том какая раса будет им править»).

Таким образом, в проекте А. К. Иванова-Сухаревского «Этатистское народное национальное государство» предполагалось выстроить по принципу аристократического сословного социализма. Новшеством для националистического движения является секуляризм (третий принцип; отход от христианства и язычества) и отказ от этноцентризма и сопутствующего изоляционизма в пользу «белого интернационала» в целях создания «единого государственного пространства Белого Человечества». Отказ от этноцентризма и от ставки на «официальную» религиозность сближают проект ННП с идеями «новых правых». Как отмечает Э. Райнер: «Европейские новые правые – или, точнее, группа ГРИС, примеру которой следуют другие движения правого толка, – продвигают новые конвенции о понятиях, приравнивая: 1) плюрализм к внешнему многообразию внутренне гомогенных, но никогда не мультикультурных обществ; 2) и тоталитаризм к требованию всеобщего равенства, поскольку, по словам Бенуа, “он стремится свести всю социальную и духовную действительность к одной единственной модели”» [21, с. 140].

Анализ идеологии «русизма» позволяет нам сделать вывод, что ННП представляла из себя продукт гибридизации движения «Новых правых» (реститутивного консерватизма [22, с.9]) и оккультно-расистского национал-социализма. Здесь значимо то обстоятельство, что движение, несмотря на интеграцию традиционалистических идей, не совершило поворота в сторону «евразийства» или «красно-коричневой» «новой правой», оставшись на позициях радикального и оппозиционного властям РФ национализма.

Другим популярным направлением нового русского национализма стало правое скинхед («бон») движение. У правых скинхедов в России с самого зарождения не было единого объединения, как правило, группировки действовали самостоятельно («Формат 18»^{*}) или объединялись в малые движения (ОБ-88 (российский филиал международного движения “Blood & Honour”), ДПНИ), реже – в составе молодежных подразделений (ННП, СС^{*}). Самой популярной фигурой был М. Марцинкевич, известный по прозвищу Тесак. Начав свою политическую деятельность как активист ННП, но после откошавшись от нее, он основал нс-группировку «Формат 18»^{*}. Съемки в формате видеоблога, вигилантизм, театрализованные наказания, записи избивений, постановка видеороликов с провокационным черным юмором – все это было не просто «актами устрашения» политических и субкультурных оппонентов, но и новыми для националистов способами агитации. «Формат-18»^{*} положил начало экспансии националистов в интернет и способствовал популяризации личности Тесака. В конечном счете об эффективности данного метода продвижения свидетельствует значимое число сторонников и почитателей лидера даже после его смерти. Прямыми идейными продолжателями «Формата-18»^{*} можно считать группы “Sparrows Crew”^{**}, чьи видеоролики с избиваниями мигрантов и бездомных в отдельных сообществах социальной сети «ВКонтакте» имели популярность в нижнем (нецензурированном и непопулярном) интернете. Более того, сама группа фактически призвала частных лица (пользователей) к использованию своего «бренда» и совершению противоправных действий на камеру, при этом отмечая важность неидеологического характера мотивации насилия (для веселья, эмоционального удовлетворения): «Мы никого не призываем к террору и убийствам, таких призывов и без нас достаточно. Мы занимаемся старым добрым веселым насилием. Зачем? Насилие ради насилия». Тем самым мы можем констатировать, что лидер «Формата-18»^{*}, претендуя на ролевую модель для молодого поколения националистов, пересобрал национализм, сделав его децентрализованным, театрализованным, внепартийным, а также актуализировал правый «бон» скинхедизм как контркультуру.

Подобная популяризация радикального правого движения в медиасфере сделала образ уличного националиста (националистическую версию Алекса из «Заводного Апельсина» Э. Бёрджеса – маскулинного аморала, интересующегося, в первую очередь, адrenalиновым драйвом и весельем, а не кропотливой партийной работой и дисциплиной) привлекательным для молодого поколения.

Дискурс национализма, согласно Р. Салецц, базируется на основе «скрытого обещания», который относится к фантазии и возникает как ответ на вопрос, который адресат необходимо задает себе: «почему он говорит это?» [26, р. 35]. В этом контексте «скрытое обещание» вышеуказанных провокативных акций совпадает с одним из лозунгов НБП: «будет весело и страшно». Мы наблюдаем здесь не просто стилистическую близость НБП и Тесака, а использование эстетизации как инструмента продвижения и способ модернизации символического, «фашистская» политизация эстетики, позволяющая мобилизовать сторонников по принципу принятия общего стиля.

Во время первого тюремного заключения М. Марцинкевич производит концепт «социал-тутовизма», ставший одним из основ идеологии и практики движения его последователей, несмотря на заверения автора о том, что концепт имеет философский, а не политический характер [27]. Социал-тутовизм призывает сторонников к социальному паразитизму, который воспринимается как форма активизма в условиях «загнивающего» общества. Тутовик не должен работать на официальной работе (должен искать пути выхода из системы), и вместе с тем обязан заниматься акциями

---

^{*}Деятельность запрещена на территории РФ.

^{*}Деятельность запрещена на территории РФ.

^{*}Деятельность запрещена на территории РФ.

прямого действия с целью подрыва общественных норм. В одной из лекций М. Марцинкевич говорит о «заповедях тутовика» (он же «реструкт»): цинизм (отказ от поведенческого притворства, нонконформизм), расизм («естественная» ксенофобия), сексуализм, отсутствие вредных привычек, превалирование идеальных ценностей над материальными, самосовершенствование, полигамность, имморализм, оптимизм. В данных принципах, помимо классических маскулинных установок на «преодоление себя» и «подавление слабостей», очевидно влияние распространившихся в начале 2000-х гг. идей направления «sxe» («пази-sxe»), выражающиеся в ведении здорового образа жизни ради сохранения генофонда «белой расы», а также практик анархического индивидуального сопротивления и акционизма [20, с. 141–142]. М. Марцинкевич адаптирует идею «внутренней эмиграции» в условиях репрессивного по отношению к правым радикалам режима, предлагая последователям взрастить в себе нонконформиста с целью организации индивидуального сопротивления через акции прямого действия. Но если внутренняя эмиграция в советский период была формой политики вменяемости (по А. В. Юрчаку), то социал-тутовизм реструкта – проект не просто альтернативного сосуществования с властью, формированию новых миров, а дополнительно к этому выстраивания контридеологии, пользуясь терминологией Эрнста Юнгера, «партизанский Уход в Лес» в ожидании удобного момента для реванша. Данное позиционирование, наполненное романтическими мотивами «бунтаря-одиночки», «идеалиста» и нонконформистским мотивом «циника» совпало с запросом девиантной молодежи на радикальный политический протест.

Важным будет отметить, что если НБП имели отчетливую антикапиталистическую (радикально левую и радикально правую) направленность, то ННП оппонировали капиталистической системе по причине того, что она уничтожает белую расу, выступая за аристократический социализм. М. Марцинкевич же оказался тем, кто коммерциализировал национализм. Его социально-провокационные шоу на платформе “YouTube” («Оккупай-педофилия» и «Оккупай-наркофилия») и участие в ток-шоу сделали его известным для широкой аудитории в Интернете, создав мемы, что впоследствии Тесак использовал, обращая симпатизантов своей деятельности в сторонников и одновременно в покупателей его курсов, книг, мест на «ралли на педофилов». Соответственно, М. Марцинкевич стал первым в России, кто сделал из радикального национализма бренд. От «социализма» в его национал-социализме осталось название.

С другой стороны, на отечественной политической сцене был пример гибридизации национализма и правого либерализма. В 2000–2010 гг. в отечественной публицистике как явление формируется младоконсерватизм. Самыми известными и влиятельными деятелями направления становятся Е. С. Холмогоров, Д. Е. Галковский и К. А. Крылов. Одним из слоганов младоконсерватизма становится «Реставрация будущего», что демонстрирует «футуристическую» ориентацию консервативного движения – консерватизм младоконсерваторов не про прошлое, а про будущее, которое воспринимается как «результат развития имевшихся в прошлом и настоящем возможностей» [2, с. 164]. Как отмечает Н. П. Андросенко: «Младоконсерваторы первыми подняли тему русского национального государства и попытались обосновать, почему до тех пор, пока Россия не станет опираться на национально ориентированную идеологию в государственном устройстве, множество существующих проблем останется принципиально не решаемыми» [2, с. 161].

Идеи младоконсерваторов способствовали формированию новых «элитарных» националистов – сторонников РНГ («Русского национального государства»), появившихся к концу 2000-х гг. Данное националистическое движение характеризует себя как «противостоящее традиционной и основной ветви русского национализма – “национал-имперской”» [5, с. 23]. Среди значимых идеологических установок нового национализма – отказ от традиционного антизападничества, подражание западным моделям национализма, отказ от традиционного этатизма, оппозиционность властям, требования демократизации [19, с. 235]. Здесь можно усмотреть сближение

национализма со своим «прародителем» – классическим либерализмом [24, с. 32]. Вместе с тем активно используется ориенталистская и колониальная риторика, как отмечают И. В. Бобров и Д. А. Михайлов: «Теоретические установки современного русского национализма превращают ориентализм в главное средство интерпретации общественной жизни: важнейшие политические вызовы критикуются ими как проявления восточных / азиатских черт» [6, с. 26].

Самым популярным интернет-изданием нового националистического направления стал «Спутник и Погром» (далее – СиП), основанный журналистом Егором Просвирниным. В статьях СиПа мы наблюдаем все вышеизложенные концепты: ориентализм, «западничество», экономический либерализм, этногосударство, ирредентизм. Претензию СиПа на разграничение между Россией как частью Европы и «диким» Востоком репрезентует один из авторов сайта Иван Обухов: «Мы, русские, не дикая бесформенная азиатская орда. Мы, русские, белые европейцы, которые хотят жить в прочном здании государства, которое состоит из четких, работающих для всех законов» [18].

В сообществе «Спутник и Погром» социальной сети «ВКонтакте» из публикаций мы также можем наблюдать нестандартные для классического русского национализма решения: выступление за светское государство: «Повторюсь, государство должно быть светским, иначе все будет скатываться в радикальные ячейки разного толка верований или еще хуже переписывания религии, как происходит сейчас», агитация за «право на оружие»: «...чтобы русские могли ходить по улицам спокойно, они должны быть вооружены» (03.07.2021), «Оружие надо не просто разрешить, а обязать его носить учителям» (11.05. 2021) [18].

Сам Егор Просвирнин определял себя как единственного «отечественного либерала», выступал за одобрение аборт, сексуальное просвещение и принятие гомосексуалистов в обществе с целью борьбы с эпидемией ВИЧ [25]. Несмотря на столь нетипичный для националиста прогрессизм, Просвирнин активно агитировал за воссоединение «русских земель», борьбу с небельми мигрантами и за доминирующую роль русских в РНГ через упразднение национальных республик, основываясь на «успешном» опыте Российской Империи.

Отдельно стоит сказать о трансформации образа врага в СиП. Егор Просвирнин был поклонником уже упомянутого ранее Д. Е. Галковского. У своего вдохновителя Просвирнин перенял понятие «новиоп» (сокращение от «новая историческая общность»), закрепившееся в лексиконе авторов Спутника и Погрома [9]. Это означаемое включает в себя разнообразные национальные меньшинства и либеральную интеллигенцию космополитической ориентации. Также активно используются синонимы «новиопа» – «многонационал», «космополит», «советский», «вырूसь». В ходе демонизации событий Октябрьской революции для СиПовцев «коммунист» становится тождественен «нацмену» (еврею, украинцу и т. д.), а также исключенному из Нации «врагу» нации: «Формирование образа внутреннего врага выражается в утверждении идеи, что национальные меньшинства – создатели современного антирусского политического режима, который является преемником советского государства» [5, с. 283]. В подобном же ключе ранее упоминавшийся М. Марцинкевич пренебрежительно использовал означаемое «россиянин», а Лимонов писал «Если они – русские, то я тогда нерусский». Здесь мы отчетливо наблюдаем изложенное выше деление внутри современного национализма людей на представителей Нации с большой буквы (русских, элиты) и нации с маленькой (новиоп, ватник, россиянин). Несмотря на декларативную поддержку образа врага, внутри киборг-национализма практическая граница никогда не является жёсткой. «Враг» теперь определяется не по старым критериям, а по его невхождению в дискурс, его эстетическое расхождение. Так, для СиП нацисты из ДШРГ «Русич», имперец И. И. Стрелков – «друзья», а писатель Захар Прилепин, бывший член НБП и один из хедлайнеров «Русской весны», – «вырूसь», «враг».

Исходя из количества оставшихся после смерти Просвирнина идейных последователей, а также факта общей популярности ресурса, СиП был успешной попыткой демаргинализировать националистический дискурс, сделать ребрендинг (после брендинга, осуществленного М. Марцинкевичем) для молодого поколения, используя элитарный символизм уважаемого и состоятельного русского интеллигента, опирающегося на факты, статистику и утилитарную логику. В итоге мы видим пример киборг-национализма, переосмыслившего наследие националистов первого поколения через модернизацию символического поля и гибридизацию с правым классическим либерализмом и американским alt-right движением.

Выводы

Делая выводы, можно сказать, что национализм в России значительно трансформировался в постсоветских реалиях, вобрав в себя идеи из различных политических течений: анархизма, танкизма, правого либерализма, «новых левых» и «новых правых». Прослеживается отказ от религиозности и деконструкция «русской» идентичности; «враг» и «друг», россиянин и русский, представитель нации и представитель Нации определяются по критерию вхождения в дискурс, принятию стиля. Это стало возможным в связи постсоветской субъективацией, а также благодаря экспансии в глобальное информационное пространство как идей, так и потребительских ценностей. Изменяя идентичку, компилируя дискурсы и экспериментируя с политическими практиками, русские националисты в постсоветской России находят новые актуальные пути для мобилизации сторонников и переизобретения национальной идентичности. Перспективы дальнейшего развития движения неочевидны после череды смертей основных идеологов русских националистов «нового поколения»: Э. В. Лимонова, М. С. Марцинкевича, К. А. Крылова и Е. А. Просвирнина. Однако с начала СВО перед националистами встали новые проблемы в связи усвоением российской элитой отдельных элементов националистической риторики, а также с актуализацией в публичном дискурсе того, что Бенедикт Андерсон называет «официальным национализмом» [1, с. 106–133]. Смогут ли националистические движения вновь трансформироваться и найти новые способы противостояния с господствующим дискурсом или же будут поглощены другими киборг-идеологиями – покажет время.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Андросенко, Н. П. Публицистика младоконсерваторов в современном коммуникативном пространстве России / Н. П. Андросенко // Коммуникология. – 2016. – № 1. – С. 160–172.
3. Астафьева, О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2012. – Т. 6. – С. 97–107.
4. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин ; под ред. Ю. А. Здравового. – Москва : Медиум, 1996. – 240 с.
5. Бобров, И. В. «Внутренние враги» современного русского национализма / И. В. Бобров, Д. А. Михайлов // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 279–294. – doi: 10.17323/727-0634-2018-16-2-279-294.
6. Бобров, И. В. Ориентализм в идеологии современного русского национализма / И. В. Бобров, Д. А. Михайлов // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2020. – Т. 31. – С. 21–35. – doi: 10.26516/2073-3380.2020.31.21.
7. Богатырёв, А. Ю. Основные направления развития националистического движения в Российской Федерации с начала 90-х гг. XX в. до настоящего времени / А. Ю. Богатырёв // Научный портал МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 102–109.
8. Ворошилова, М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.
9. Галковский Д. Е. Новиопы. – URL: <http://galkovsky.livejournal.com/199706.html> (дата обращения: 22.03.2023).

10. Гройс, Б. Политика поэтики : [сб. ст.] / Б. Гройс. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 400 с.
11. Евсеев, К. М. Самосохраняющаяся энтропия или энтропия самосохранения. – URL: https://vk.com/@blood_and_slobber-samosohranyauschayasya-entropiya-ili-entropiya-samosohraniya (дата обращения: 01.04.2023).
12. Жаковска, М. Феномен национал-большевистского движения: идеологический, социальный и культурный аспекты / М. Жаковска // История и современность. – 2010. – № 1 (11). – С. 202–222.
13. Жеребкина, И. А. Киборг-национализм, или Украинский национализм в эпоху постнационализма / Жеребкина И. А., Жеребкин С. В. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 270 с.
14. Иванов (Сухаревский), А. К. Три источника русизма / А. К. Иванов (Сухаревский). – URL: <https://web.archive.org/web/20120821100103/http://nnp.ru/stat/iv/triist.htm> (дата обращения: 01.01.2023).
15. Кетов, А. Р. Консервативные идеологии в политической системе современной России: концепции, тенденции и применение в государственном управлении / А. Р. Кетов, П. Ю. Гурушкин // Вопросы управления. – 2015. – № 4 (16). – С. 13–19.
16. Лимонов, Э. Русское психо / Э. Лимонов. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 256 с.
17. Лимонов, Э. Другая Россия / Э. Лимонов. – Москва : Центрполиграф, 2003. – 255 с.
18. Обухов, И. Кавказская родоплеменная архаика против русского модерна. – URL: <http://sputnikpogrom.com/2012/articles/109.php> (дата обращения: 01.02.2023).
19. Паин, Э. А. Эволюция национализма в России / Э. А. Паин // Политическая концептология. – 2016. – № 3. – С. 231–251.
20. Портнов, А. А. Русские националисты улиц нового типа: новейшая история / А. А. Портнов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 4 (53). – С. 141–144.
21. Райнер, Э. Расизм под маской этнического плюрализма: идеология новых правых во Франции и Германии / Э. Райнер // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 131–148.
22. Филиппов, А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма / А. Ф. Филиппов // Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. – Москва : Праксис, 2009. – 144 с.
23. Цветков, А. В. Марксизм как стиль / А. В. Цветков. – Москва : АСТ, 2016. – 352 с.
24. Чернавский, М. Ю. Либеральные истоки идеологии национализма / М. Ю. Чернавский // Ценности и смыслы. – 2014. – № 6 (34). – С. 32–37.
25. Яковлев, Г. Как нам обустроить секс и победить ВИЧ. – URL: <https://sputnikpogrom.com/society/78431/sex-hiv/> (дата обращения: 14.03.2023).
26. Salecl, R. The Spoils of Freedom: Psychoanalysis and feminism After the Fall of Socialism / R. Salecl. – London : Routledge, 1994. – 176 p.
27. Stop faker. Тесак. Лекция: социальный тутовизм для циника, мизантропа и тунеядца. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-PAXfFgaAE> (дата обращения: 30.11.2020).

References

1. Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole; 2001, 288 p.
2. Androsenko, N. P. Publitsistika mladokonservatorov v sovremennom kommunikativnom prostranstve Rossii [Journalism of young conservatives in the modern communication space of Russia]. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2016, no. 1, pp. 160–172.
3. Astafeva, O. N. Vzaimodeystvie kultur: dinamika modeley i smyslov [Interaction of cultures: dynamics of models and meanings]. *Voprosy sotsialnoy teorii* [Questions of Social Theory]. 2012, vol. 1, pp. 97–107.
4. Benyamin, V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction]. Moscow: Medium; 1996, 240 p.
5. Bobrov, I. V., Mikhaylov, D. A. “Vnutrennie vragi” sovremennogo russkogo natsionalizma [“Internal Enemies” of modern Russian nationalism]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research]. 2018, vol. 16, no. 2, pp. 279–294, doi: 10.17323/727-0634-2018-16-2-279-294.
6. Bobrov, I. V., Mikhaylov, D. A. Orientalizm v ideologii sovremennogo russkogo natsionalizma [Orientalism in the ideology of modern Russian nationalism]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologiya. Religiovedenie”* [Bulletin of Irkutsk State

University. Series "Political Science. Religious Studies"]. 2020, vol. 31, pp. 25–35. doi: 10.26516/2073-3380.2020.31.21.

7. Bogatyrev, A. Osnovnye napravleniya razvitiya natsionalisticheskogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii s nachala 90-ykh godov XX v. do nastoyashchego vremeni [The main directions of development of the nationalist movement in the Russian Federation since the beginning of the 90s of the twentieth century up to now]. *Nauchnyy portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2017, no. 3 (39), pp. 102–109.

8. Voroshilova, M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremenno natsionalisticheskogo diskursa [Cognitive arsenal and communicative strategies of modern nationalist discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2014, no. 3 (49), pp. 242–245.

9. Galkovskiy, D. E. Novioopy. Available at: <http://galkovsky.livejournal.com/199706.html> (accessed: 22.03.2023).

10. Groys, B. *Politika poetiki* [The politics of poetics]. Moscow: Ad Marginem Press; 2012, 400 p.

11. Evseev, K. M. *Samosokhranyayushchayasya entropiya ili entropiya samosokhraneniya* [Self-preserving entropy or self-preservation entropy]. Available at: https://vk.com/@blood_and_slobber-samosokhranyayushchayasya-entropiya-ili-entropiya-samosokhraneniya (accessed: 01.04.2023).

12. Zhakovskaya, M. Fenomen natsional-bolshevistskogo dvizheniya: ideologicheskiy, sotsialnyy i kulturnyy aspekty [The phenomenon of the National Bolshevik movement: ideological, social and cultural aspects]. *Istoriya i sovremennost* [History and modernity]. 2010, no. 1 (11), pp. 202–222.

13. Zherebkina, I. A. *Kiborg-natsionalizm, ili Ukrainskiy natsionalizm v epokhu postnatsionalizma* [Cyborg-nationalism, or Ukrainian nationalism in the era of post-nationalism]. Saint Petersburg: Aleteyya; 2019, 270 p.

14. Ivanov (Sukharevskiy), A. K. *Tri istochnika rusizma* [Three ruts of rusizm]. Available at: <https://web.archive.org/web/20120821100103/http://npr.su/stat/iv/triist.htm> (accessed: 01.01.2023).

15. Ketov, A. R., Gurushkin, P. Yu. Konservativnye ideologii v politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii: kontseptsii, tendentsii i primenenie v gosudarstvennom upravlenii [Conservative ideologies in the political system of modern Russia: concepts, trends and application in public administration]. *Voprosy upravleniya* [Issues of management]. 2015, no. 4 (16), pp. 13–19.

16. Limonov, E. *Russkoe psikho* [Russian Psycho]. Saint Petersburg: Piter; 2018, 256 p.

17. Limonov, E. *Drugaya Rossiya* [Another Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2003, 255 p.

18. Obukhov, I. *Kavkazskaya rodoplemennaya arkhayka protiv russkogo moderna* [Caucasian Tribal Archaism versus Russian Modernism]. Available at: <http://sputnikipogrom.com/2012/articles/109.php> (accessed: 01.02.2023).

19. Pain, E. A. Evolyutsiya natsionalizma v Rossii [The evolution of nationalism in Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2016, no. 3, pp. 231–251.

20. Portnov, A. A. Russkie natsionalisty ulits novogo tipa: noveyshaya istoriya [Russian street nationalists of a new type: recent history]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]. 2014, no. 4 (53), pp. 141–144.

21. Rayner, E. Rasizm pod maskoy etnicheskogo plyuralizma: ideologiya novykh pravyykh vo Frantsii i Germanii [Conservative ideologies in the political system of modern Russia: concepts, trends and application in public administration]. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2011, no. 1, pp. 131–148.

22. Filippov, A. F. Khans Fraer: sotsiologiya radikalnogo konservatizma [Hans Freier: sociology of radical conservatism]. *Fraer Kh. Revolyutsiya sprava* [Freyer H. Revolution from the Right]. Moscow: Praxis; 2009, 160 p.

23. Tsvetkov, A. V. *Marksizm kak stil* [Marxism like a style]. Moscow: AST; 2016, 352 p.

24. Chernavskiy, M. Y. Liberalnye istoki ideologii natsionalizma [Liberal origins of the ideology of nationalism]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. 2014, no. 6 (34), pp. 32–37.

25. Yakovlev, G. *Kak nam obustroit seks i pobedit VICH* [How can we arrange sex and defeat HIV]. Available at: <https://sputnikipogrom.com/society/78431/sex-hiv/> (accessed: 14.03.2023).

26. Salecl, R. *The Spoils of Freedom: Pshychoanalisi and feminism After the Fall of Socialism*. London: Routledge; 1994. 176 p.

27. *Stop faker. Tesak. Lektsiya: sotsialnyy tutovizm dlya cinika, mizantropa i tuneyadtsa*. [Lecture: social Tutovism for the cynic, misanthrope and parasite]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=-PAxFFFgaAE> (accessed: 30.11.2020).

Информация об авторах

*Виличко И. В. – магистрант;
Никифоров А. А. – кандидат политических наук.*

Information about the authors

*Vilychko I. V. – student;
Nikiforov A. A. – Candidate of Political Science.*

Вклад авторов

*Виличко И. В. – формирование концепта статьи, написание статьи, итоговые выводы;
Никифоров А. А. – научное редактирование текста, итоговые выводы.*

Contribution of the authors

*Vilychko I. V. – formation of the concept of the article, writing the article, final conclusions;
Nikiforov A. A. – scientific editing of the text, final conclusions.*

*Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025;
принята к публикации 31.03.2025.*

*The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted
for publication 31.03.2025.*